

А. А. ПОЛЯКОВ

<«Керенский говорил в более решительном тоне»>

<...> Когда 27 февраля в 10 час. утра я по обязанности своей думского референта московского «Русского слова» явился в Таврический дворец, уже было известно, что указом царя Дума распущена. Особенно угнетены были с.-д. Встревожен был и П. Н. Милюков, опасавшийся, как бы события не отразились на фронте, где дела и без того были плохи.

На чрезвычайном собрании совета старейшин (лидеров всех думских фракций) в кабинете М. В. Родзянко было решено: депутатам ввиду грозности событий не разъезжаться, а остаться в Петербурге.

Акт бы, конечно, очень серьезным, но не выходявший еще за пределы законности: официальных заседаний Думы не было. Собирались в частном порядке и не в зале общих собраний, а в полуциркульном зале.

Около 2 часа дня у решетки Таврического дворца появились первые группы демонстрантов. Толпа, среди которой преобладали солдаты, как говорили позже, направлялась к Литовскому замку¹ (женской тюрьме) освобождать заключенных. Неизвестно, по чьей инициативе, демонстранты остановились и дальше не пошли.

К толпе вышли Чхеидзе, Скобелев и Керенский. Социал-демократы были очень сдержаны. Керенский говорил в более решительном тоне.

Выслушав речи, толпа вслед за депутатами проникла в Таврический дворец.

В пять часов того же дня неизвестным молодым человеком был доставлен в Таврический дворец под конвоем двух вооруженных солдат И. Г. Щегловитов, Председатель Гос[ударственного] совета, признанный лидер российской реакции.

Я в свое время читал немало описаний этой исторической сцены. Ни одно из них не воспроизводило случившегося точно. Свидетель того, что было от начала до конца, я могу восстановить эту сцену во всех деталях.

Щегловитова провели в маленькую комнату недалеко от главного входа. Председатель Гос[ударственного] совета, явно потрясенный

и подавленный, грузно опустился на стул. В комнату почти одновременно из двух противоположных дверей вошли Родзянко и Керенский. То, что дальше произошло, на мой взгляд, во многом определило дальнейший ход событий.

— Иван Григорьевич, пожалуйста ко мне в кабинет, — дружески приветствовал Щегловитова председатель Гос[ударственной] думы.

Вперед выступил А. Ф. Керенский и взволнованно, но твердо отрезал:

— Никакого Ивана Григорьевича здесь нет. Господин Щегловитов, вы арестованы. Солдаты, отведите арестованного в министерский павильон...

Родзянко только развел руками и быстро удалился. <...>

Помню драматическую сцену с арестованным и доставленным в Думу Сухомлиновым. Только вмешательству А. Ф. Керенского обязан он был тем, что не был расстрелян солдатской толпой.

Бывшего военного министра с налитым кровью лицом, едва державшегося на ногах, провели сквозь строй.

Толпа ревела, осыпала арестованного бранью, но не тронула и пальцем Сухомлинова: так велик был к этому времени престиж А. Ф. Керенского.

<...>

В 11 ч. 15 мин. вечера² к Таврическому дворцу подошел господин в шубе и, обратившись к стоявшему у входной двери студенту, спросил:

— Вы студент?

— Студент.

— Прошу вас проводите меня к членам Комитета Гос[ударственной] думы. Я бывший министр внутренних дел Протопопов. Я тоже желаю блага нашей родине, а потому явился добровольно. Проводите меня к тем, кому нужно.

Протопопова под конвоем доставили в министерский павильон. Вскоре туда явился А. Ф. Керенский, и тут произошла комическая сцена. Протопопов встал и подойдя к А. Ф. Керенскому торжественно заявил:

— Ваше превосходительство, я отдаю себя в ваше распоряжение...

В двенадцать часов ночи первого дня, когда все понемногу утихомирились, я, оставшийся в Думе на всю ночь, наблюдал такую сцену:

На ступеньках небольшой лестницы, ведущей в ложу журналистов, полулежал изнеможенный А. Ф. Керенский, а жена³ с ложечки кормила его яичными желтками, принесенными в стакане из дому.

<...>

